

УДК 1:27(091)
ББК 87.3(2)61:86.37

Софья Вадимовна Андросенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории русской философии; Свято-Филаретовский институт, пресс-секретарь, Россия, Москва, e-mail: sofia@sfi.ru

Образ Церкви настоящего и будущего в трудах Николая Бердяева. Статья вторая: Постконстантиновская эпоха и «хилиастическое упование»

Аннотация. Предлагается анализ репрезентации образа Церкви настоящего и будущего в трудах Н.А. Бердяева 1911–1948 гг. Показано значение трактовки философом божественной и человеческой свободы, а также христианского откровения о грехопадении и искуплении для понимания его образа Церкви. Разъясняется антропологический смысл и экклесиологическое значение мифа о «нетварной свободе» (*Ungrund*). Показана специфика понимания Бердяевым эсхатологического измерения жизни Церкви, в контексте которого анализируется его представление о Церкви как богочеловеческом процессе. Реконструируются и интерпретируются в контексте особенностей наступившей на глазах философа постконстантиновской эпохи принципиальные черты образа Церкви настоящего и будущего, отражающие его представление о ее сокровенной природе. Разъясняются историософское содержание и антропологический смысл «хилиастического упования» Бердяева. Рассматривается воплощение экклесиологических интуиций Бердяева в исторической жизни Русской церкви в XX в.

Ключевые слова: экклесиология, Богочеловечество, грехопадение, нетварная свобода, постконстантиновская эпоха, соборность, хилиазм, христология человека, эсхатология

Sofia Vadimovna Androsenko

Lomonosov Moscow State University, PhD student; St. Philaret's Institute, press-secretary, Russia, Moscow, e-mail: sofia@sfi.ru

The Image of the Church – Present and Future – in the Works of Nicholas Berdyaev. Article two: Post-Constantinian Era and the “Chiliastic Hope”

Abstract. This article focuses on the analysis of the image of the Church, both present and future, in the works of N.A. Berdyaev between 1911 and 1948. In the second part of the article the author demonstrates the impact of the philosopher's interpretation of divine and human freedom, as well as of the Christian revelation of the fall and redemption on his understanding of the image of the Church. The anthropological meaning and ecclesiological significance of the myth of “uncreated freedom” (*Ungrund*) are explained. Berdyaev's specific understanding of the eschatological dimension of the life of the Church is shown, in the context of which his idea of the Church as a Divine-human process is analyzed. The article grasps and explains the principal traits of Berdyaev's image of Church – those which

express his perception of its innermost nature – against a backdrop of the Post-Constantinian era, which commenced before the philosopher's very eyes. The historiosophical and anthropological meaning of Berdyaev's "chiliastic hope" is explained. The author shows how Berdyaev's ecclesial intuitions went on to be embodied in the historical life of the Russian Church – both in Soviet Russia and in exile – in the 20th century.

Key words: ecclesiology, Divine humanity, the fall of man, integral understanding of Church, uncreated freedom, experiential knowledge, Post-Constantinian era, sobornost, chiliasm, Christology of man, eschatology

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.073-091

В первой части настоящей статьи¹ было показано, что церковная проблематика присутствует в трудах Николая Бердяева не просто как одна из постоянных тем его философии, но она во многом определяет его философский язык и метод. Рассмотрев философскую «оптику» Бердяева, имеющую фундаментальное значение для понимания его образа Церкви, постараемся теперь предъявить этот образ в наиболее сущностных чертах. Попробуем также проследить, как этот образ, пронизанный «ожиданием совершенно новой эпохи в христианстве»², воплощается в настоящем и будущем исторической Русской православной церкви, с которой Бердяев всегда сохранял связь, хотя и чувствовал себя, подобно Владимиру Соловьёву, «принадлежащим мистической Церкви Христовой»³.

Церковь и свобода

В программной статье «Спасение и творчество (Два понимания христианства)» (1926 г.)⁴ Бердяев напишет: «Многие думают, что истолкование христианства как религии личного спасения есть по преимуществу церковное истолкование. Но в действительности оно сталкивается с самой идеей Церкви» [2, с. 39]. Пафос (само-)спасения, которым пронизаны церковное сознание, церковная жизнь и проповедь, по мнению Бердяева, не церковный пафос. Парадоксально, но можно сказать, что спасение, а точнее страх, который помещает идею спасения в центр церковной жизни, угрожает действию Духа – свободе и творчеству, на которых по-настоящему зиждется жизнь Церкви. Страх перед злом может парализовать творческие силы человека, его веру, способность к общению, жертве

¹ Первая часть статьи опубликована в журнале «Соловьёвские исследования» за 2025 г., вып. 1(85), с. 81–97.

² См.: Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 256–257 [1].

³ Там же.

⁴ См.: Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства) // Путь. 1926. № 2. С. 29 [2].

и любви. Дело не в том, что Бог человеку откажет в спасении, но вечно спасаясь, человек просто может не состояться, не стать собой вне общения, вне заинтересованности в другом: «Личность немислима без любви, т.е. без выхода к другому, без способности к жертвенной самоотдаче» [3, с. 116].

Чтобы разобраться, почему Николай Бердяев так страстно восстает против понимания Церкви как «лечебного заведения, в которое поступают отдельные души на излечение»⁵, остановимся на том, как он видит человеческую свободу и личность, которые в Церкви должны раскрыться, а не укрыться. В этом прослеживается его фундаментальное размежевание с тем, что он называет «социальным по своему принципу мирозерцанием»⁶. Бердяев показывает, что такое мирозерцание – «все равно, теократическое, консервативное, либеральное, демократическое, социалистическое, анархическое» – «оказывается тираническим по отношению к человеческому духу»⁷.

Прежде всего, нужно сказать, что свобода вообще не тождественна свободе выбора, она не есть право или привилегия, не есть категория социальная или природная, политическая или психологическая. Именно поэтому Бердяев пишет, что и несущие на своих знаменах свободу либерализм и анархизм как направления исключительно социальные в принципе «не в силах утвердить свободу и независимость личности»⁸. Он проводит ключевое различие между духовным, личностным пониманием свободы и индивидуалистическим природно-социальным: «Индивидуализм всегда оказывается одной из форм социального мирозерцания, для которого личность от общества должна получить максимум свободы. Но философская проблема личности совсем не есть проблема той или иной организации общества, при которой личность получает больше свободы и независимости. Независимость личности от общества не может зависеть от общества, ибо независимость эта и значит, что личность зависит от чего-то другого, чем общество» [3, с. 124].

Бердяев утверждает, что свобода – это дух, т.е. сила определенного качества, которая не статически присутствует в жизни, но раскрывается в человеке при определенных условиях и связана с тем, что он сотворен по образу и подобию Божьему, т.е. имеет способность к творчеству «из ничего»⁹, подобному творчеству самого Бога. «Из ничего» здесь не нужно понимать онтологически или метафизически – это, скорее, метафора, не отвечающая на вопрос о «материале», а говорящая лишь о «не-

⁵ См.: Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства). С. 29.

⁶ См.: Бердяев Н.А. О духовной буржуазности: Сборник сочинений / предисл. А.П. Козырева. М.: Nouveaux Angles (Москва); Editions des Syrtes (Париж), 2022. С. 114–115 [3].

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). Москва: изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. С. 138, 140 [4].

изъяснимой и таинственной мощи созидать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии»¹⁰.

Бог и человек – вот два источника новизны и проводника свободы в этом мире. Других нет, и сам этот мир противится свободе: «Дух человеческий – в плену. Плен этот я называю “миром”, мировой данностью, необходимостью. “Мир сей” не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. И истинный путь есть путь духовного освобождения от “мира”, освобождения духа человеческого из плена у необходимости» [4, с. 7]. Через личность и тот дух, т.е. направление и качество жизни, который она вносит в мир, сообщество людей или большое национальное тело может делаться более свободным или более рабским; обладающим свободным единством, единоклассием или более атомизированным и требующим внешних форм обеспечения единства.

Уйдя подальше с территории богословия на территорию философии и желая точнее выразить всю радикальность христианского откровения о свободе, Бердяев называет ее нетварной и показывает, что вхождение в опыт свободы призвано породнить человека с Творцом сильнее, чем с творением. Говоря, что свобода «непроницаема» и для Бога¹¹, он подчеркивает, что она полноценная и для Бога изначальная, и даже Он не руководит ею. Бердяев использует словечко *Ungrund* – «безосновная», творчески переосмысливая интуицию любимого им немецкого мистика Якоба Бёме. Человек представляет для Бога тайну и его появление в мире – в некотором смысле появление второго бога (Бердяев берет святоотеческое понятие «микротеос»)¹², способного к соучастию в Его жизни и замысле, к общению с Ним. Как и всякое подлинное общение, это несет определенные риски. Лишь трагической реализацией таких рисков и можно, по мысли Бердяева, объяснить то сопротивляющееся свободе и единству состояние мира и самого человека, которое нам знакомо. Но именно создавая свободного человека и беря на Себя связанные с этим риски, Бог и становится Собой¹³ – открывает Себя как совершенная Любовь, которая изгоняет страх и мучение¹⁴, т.е. не страшится предать себя и свое тому, кто сотворен

¹⁰ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). С. 138.

¹¹ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. С. 29 [5].

¹² См., например: Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). С. 313.

¹³ Ср. медитацию Бердяева над мистической интуицией Майстера Экхарта: «Бог возникает вместе с человеком» (см.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. М.: Республика, 1994. С. 132 [6]).

¹⁴ Ср.: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; а боящийся не совершен в любви» (1 Ин 4:18).

в любви и для любви. Любящий всегда отдает и вверяет всего себя тому, кого любит, не в порядке эксперимента, а навсегда.

Таким образом, Бердяев не только предельно серьезно воспринимает свободу человека, но и предлагает нам серьезнее отнестись к свободе Бога, к Его «тоске по своему другому»¹⁵. Человек предстает высшим творческим достижением Бога и одновременно роковым: ему доверено слишком много, если не сказать – всё. Так воспринятые свобода и любовь Бога заставляют Бердяева говорить о трагедии в Боге¹⁶: судьба любви и свободы трагична потому, что они предполагают открытость и уязвимость, при овнешнении (объективации) несущие угрозу их вырождения.

Именно как такую объективацию, отказ от этой общей жизни, от соучастия в общем деле – а не как нравственное преступление – Бердяев и трактует грехопадение (этому во многом посвящена книга «О назначении человека», фактически представляющая собой философский комментарий к первым главам книги Бытия). Такой взгляд, направленный на свободу не как социологический феномен, а как на то, что лежит в основе всяких отношений, должен избавить нас от предрассудка, что свобода одного человека – всегда покушение на свободу другого, что свобода Бога делает человека рабом, а свобода человека – отрицает Бога. Свобода не только не страдает от единства и общения – она в них проявляется, предполагает их и парадоксально сама от них зависит. Свобода может быть преумножена в общении и подрывается в распре.

Свобода Христа оказывается невыносима для общества и приводит к позорной и незаконной казни, но одновременно притягательность Его личности и пути создает социальную аномалию под названием Церковь. Бердяев уверен, что жизнь Церкви по своим качествам, прежде всего свободе и единству, превосходит райскую жизнь¹⁷, т.е. смысл явления Церкви – «иногo порядка бытия»¹⁸, в котором «призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творенье Божье»¹⁹, – не может быть сведен к спасательной операции, к борьбе с последствиями грехопадения. Богочеловек открывается не только как Искушитель, но и как Освободитель и Основатель «великого духовного братства христиан»²⁰, «нового рода человеческого»²¹.

¹⁵ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 32.

¹⁶ См., например, сопоставительный анализ темы трагедии в Боге у Н.А. Бердяева и А. Уайтхеда: Hartshorne C. Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God? // The Journal of Religion. 1957. V. XXXVII, № 2. P. 74 [7].

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 41.

¹⁸ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 210.

¹⁹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). С. 94–95.

²⁰ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 225.

²¹ Там же. С. 135.

Искушение, нередко понимаемое как что-то производимое над человеком, Бердяев предлагает осмыслить прежде всего как вхождение в «изобретенный» Христом опыт преодоления раскола между человеком и Богом в самом человеке и между людьми. Он использует выражение «христология человека» (впервые употребив его в 1912–1913 гг. в работе «Смысл творчества», он будет возвращаться к нему до конца жизни²²), акцентируя аспекты новозаветного откровения, касающиеся личности и коммюнитарности и недостаточно раскрытые в святоотеческой мысли²³.

Благодать, выявляющая мистические границы Церкви, может быть понята не как извне воздействующая на человека сила, исцеляющая и освящающая его поврежденную природу, но как сила, идущая изнутри, возникающая от единения божественного и человеческого и способная не только исцелять самого человека от расколотости жизни (на духовную и светскую, индивидуальную и общественную, публичную и «подпольную» и пр.), но и преодолевать рознь между людьми, соединенными в «новом духовном роде, от Христа идущем»²⁴. Действие благодати может быть понято как то, что направлено не на оправдание (Бердяев сомневается, что Богу нужно оправдывать человека²⁵), а на преображение, т.е. как «обнаружение благодатной силы, дающей жизнь другим существам», «благодатного света, озаряющего... жизнь»²⁶.

Даже тайну всеобщего воскресения, победы над Смертью, Бердяев интерпретирует через категорию Предания, понятого как глубина единства и общения, над которыми не властны время и смерть. В этом он близок искавшему победы над «небратским состоянием мира» Н.Ф. Федорову, чье нравственное сознание он считал «самым высоким в истории христианства»²⁷. Если искупле-

²² См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). С. 75; Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 144; Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 58; Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 132 [8]; Бердяев Н.А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 120 [9].

²³ Бердяев утверждает, что положительное назначение человека несводимо к преодолению греха, достижению «первобытной чистоты» и возвращению к Богу как своему Первообразу, т.е. к искуплению и спасению. К такой редукции имеют тенденцию мистика катарсиса и Божественного мрака у свт. Григория Нисского, Псевдо-Дионисия Ареопагита и даже трактовка воскресения у свт. Григория (см., например: Григорий Нисский. Об устройении человека // Творения святого Григория Нисского. Москва: Тип. В. Готье, 1861–1871. Ч. 1. 1861. С. 76–222 [10]; Минин П.М. Главные направления древнецерковной мистики. Сергиев Посад: тип. Св.-Гр. Сергиевой лавры, 1915. С. 35–37 [11]; God and human dignity / ed. R.K. Soulen, L. Woodhead. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2006. P. 1–24 [12]).

²⁴ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 222.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 115.

²⁷ См.: Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). С. 254.

ние в соборно-личностном ключе может быть понято как преодоление раздвоенности, закрытости и розни, то Предание – как преодоление смертоносной, ничего не различающей власти времени, мистическое единство Церкви в истории, основанное не на преемстве внешних форм, но на опыте общения: «Жизнь в предании Церкви есть жизнь в вечности, есть восприятие и знание реальностей изнутри, а не извне»²⁸.

Что есть «связь любви и свободы», о которой пишет Бердяев, что есть порядок бытия церковного, который «не знает принуждения и насилия, не знает свободы, восставшей против единства, против любви»²⁹? Это свобода, воспринятая не как право и привилегия, а как дар свыше, как сила, которая проявляет себя в помощи ближнему в освобождении от рабства у начал мира сего, от страха обрести себя, свое призвание, лицо. Это любовь, которая хочет другого не просто уберечь от ударов судьбы, а хочет ему свободы, чтобы он перестал бояться зла и смерти, чтобы он сам был приобщен к животворящему опыту творческой жертвенной любви – обрел свой крест. Близкую интуицию выразил по эту сторону «железного занавеса» Александр Величанский (1940–1990):

Поднимите взоры, лица –
Без перстов касанья ясно:
Только человек и птица
Созданы крестообразно –
В пропасть тот свою стремится,
Та – в заката позолоту –
Только человек и птица
Век обречены полету [13, с. 669].

Церковь и эсхатология. Хилиастическое упование Бердяева

Образ Церкви, который предъявляет Николай Бердяев, несет на себе выраженные эсхатологические черты. Церковь сама есть опыт вторжения вечности в историю, и это вторжение происходит через личность, которая есть «разрыв в этом мире»³⁰.

От начала чувствующий свою предназначенность к вечности, человек рождается смертным, он появляется на свет и начинает свое умирание, не согласный с этим изнутри своей телесной природы, ума и духа. Личность, будучи

²⁸ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 210.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939. С. 20 [14].

целым по отношению к этому миру (макрокосмом и микрокосмом)³¹, принуждена жить в истории как ее часть и подчиняться власти времени³². Евангельское откровение о конце века сего, по мысли Бердяева, находит самое убедительное подтверждение в совести человека, которая не может «примириться с тлением и смертью, с окончательным исчезновением и самого себя, и всякого существа в прошлом, настоящем и будущем»³³. Эсхатология скорее предстает как событие в человеке, как жажда конца «века сего» – духовная направленность личности, чем как перспектива, которая ожидает ее в конце времен. История конечна, не только потому что Бог «больше» истории и ставит перед ней свои задачи, но еще более – потому, что в ней тесно человеку и он тоже ищет в истории смысла, который в ней погран.

Многие обращают внимание на симпатии Николая Бердяева к интуициям Иоахима Флорского об эпохе Св. Духа³⁴, и он действительно признавался в ожидании «совершенно новой эпохи в христианстве» и в «хилиастическом уповании»³⁵. Интерес мыслителей Серебряного века к идее Третьего завета можно понять. На их глазах заканчивалась константиновская эпоха, что по своему значению тянет едва ли не на смену заветов. В России, как отмечал Бердяев, это происходило катастрофически: «Православная церковь выходит из константиновской эпохи, которая продолжалась более полутора тысяч лет, и она стоит ныне перед совсем новым состоянием мира, перед не бывшим еще царством Кесаря. <...> Старые скрепы церкви и государства бесповоротно рухнули, и нет больше православного царства. Христианство возвращается к состоянию в чем-то схожему с первохристианством» [16, с. 281].

Окончание константиновского периода, который был во многом изживанием инерции Ветхого завета и язычества в новозаветные времена, связано не только со сменой парадигмы отношений церкви и государства. Важнее для Бердяева то, что это переход от эпохи символического освящения быта, культуры к тому, что он называет эсхатологическим пониманием христианства³⁶, – к воплощению веры во всех сторонах жизни, к преобразению жизни, в том числе через «строительство христианского общества»³⁷.

³¹ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. С. 20.

³² Там же. С. 213.

³³ Там же. С. 222.

³⁴ См., например: Бердяев Н.А. О духовной буржуазности: Сбор. соч. С. 9–10; Janos S. Translator Comments // Berdyaev N. The philosophy of freedom / transl. by Fr.S. Janos. Mohrsville, PA: Frsj Publications, 2020. P. I–X [15].

³⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 138, 257, 320.

³⁶ См., например: Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). С. 238.

³⁷ См.: Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства). С. 30.

Бердяев прослеживает в истории своего рода диалектику изживания «мо-нофизитских кренов» – не в смысле догматической ереси, но в смысле затруднений и подмен, которые возникают на пути восприятия Церковью откровения о богочеловечности Бога и человека и о самой себе как Богочеловечестве. Константиновской эпохе с ее огосударствлением церкви соответствует, по выражению Бердяева, Богоангельство³⁸. Этим словом он описывает подмену в жизни и понимании Церкви активно-творческого человеческого начала пассивно-медиумическим «ангельским», которое призвано как бы защитить чистоту и совершенство божественного начала от нечистоты и несовершенства человеческого. Но Бердяев напоминает, что Христос – Богочеловек, а не Богоангел, и Бог открывается человеку и в человеке, не действует помимо человека. Веками в церкви новозаветная жизнь лишь прообразовывалась, символизировалась – в законе, догматах, обряде, – но реальность ее не достигалась. Само понимание Евангелия стало преимущественно аллегорическим, символическим и редко прямым. Церковная иерархия символизирует духовное старшинство и святость, но часто в ней «не обнаруживается реальная высота человеческого духа»³⁹. Доводя до предела эту логику, Бердяев говорит, что исторически церковь оказалась устремлена не столько к раскрытию полноты человечности и богатства жизни, сколько к их угашению – вершина христианского благочестия стала мыслиться как посвящение в «ангельский» монашеский чин, т.е. как «предельное угашение человеческой природы»⁴⁰. Богоангельское представление о Церкви притупляет сознание тесноты и падшести мира, заставляет смиряться с ней, ища в Церкви лишь покровительства высших сил и защиты от зла. Но в еще большей степени оно скрывает от человека его подлинную силу и власть, его божественный «калибр», отлучает его от своего призвания, имеющего значение для мира и Бога. Недоверие к человеческому началу блокирует и Божье действие в мире, делает церковь бессильной⁴¹.

Своего рода духовной реакцией на богоангельский крен в жизни исторической церкви Бердяев считает разные виды секулярного гуманизма, утверждающие человеческое достоинство вне Бога и без Бога⁴². Трагедия гуманизмов в том, что в человеке перестают видеть «существо, принадлежащее к двум мирам», что поставило его на грань истребления, пророчествует Бердяев в 1927 г.⁴³ Он показывает, как два монофизитских уклона, неспособные вместить тайну Богочеловечества: богоангельский и секулярно-гуманистический –

³⁸ См., например: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 218.

³⁹ Там же. С. 219.

⁴⁰ Там же. С. 218–219.

⁴¹ Там же. С. 215.

⁴² См., например: Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства). С. 30.

⁴³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 145.

«окончательно водворяют человека на территории этого мира, поселяют его на плоскости земли», для них равно «человек перестает быть загадкой и тайной, опытным опровержением самодостаточности этого мира»⁴⁴. Это рассуждение Бердяева замечательно перекликается с тем, как прослеживал диалектику двух видов «аффективного монофизитства» в истории восприятия личности самого Христа академик С.С. Аверинцев, показывая значение этих наблюдений и для восприятия тайны личности каждого человека⁴⁵.

Наконец, в нашу эпоху происходит новое возвращение к Богу, но уже не за символическим освящением жизни, а за осуществлением «христианского братства людей, ... правды Христовой в жизни»⁴⁶, раскрытием богочеловеческой и богосыновней творческой силы. Это раскрытие Бердяев связывает с наименее усвоенной, по его мнению, частью новозаветного откровения – учением ап. Павла о дарах⁴⁷. Бердяев использует выражение «прибыль», указывая на заинтересованность Бога в историческом процессе, который существенно зависит от человека. В Церкви не осуществляется спущенный с Небес генеральный план, а восполняется «трагический недостаток» в Боге «великой прибылью» – рождением человека в Нем: «Есть зов человека, чтобы Бог в нем родился. Но есть и зов Бога, чтобы человек в Нем родился. Это и есть тайна христианства, тайна Христа. <...> Бог и человек – больше, чем один Бог» [4, с. 124].

С раскрытием благодатной природы человека связан особый взгляд Бердяева на соотношение иерархического начала и свободы. Он различает два вида такого соотношения: «иерархию даров» и «иерархию чинов», сосуществующие в нашем грешном мире. Здесь понятие иерархии – не церковный термин, относящийся к так называемой трехчинной иерархии (дьякон – священник (пресвитер) – епископ), а указание на руководящий принцип жизни в зависимости от степени раскрытия человеческой свободы в ее новозаветном измерении.

Обоим «монофизитским» мироощущениям – теистическому и секулярно-атеистическому – с их чувством «греховности человеческой природы, которая должна быть скована, смирена и водима сверху»⁴⁸, – соответствует безлично-законная «иерархия чинов». И она, думает Бердяев, оправдана в государстве,

⁴⁴ См.: Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). С. 127.

⁴⁵ См.: Аверинцев С.С. Ἀληθὺς ἀνθρώπος: воистину человек. Человеческая личность Христа как критерий и предмет человеческой рефлексии // Личность в Церкви и обществе: материалы Междунар. науч.-богословской конф., Москва, 17–19 сентября 2001 г. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 33–35 [17].

⁴⁶ См.: Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства). С. 33.

⁴⁷ См., например: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 260–267. Ср: 1 Кор 12.

⁴⁸ Там же. С. 88.

семье – в тех сферах, где нельзя ставить жизнь, свободу, права человека в зависимость от духовного состояния других людей, общества, власти⁴⁹.

Но откровение о Церкви как Богочеловечестве, как думает Бердяев, все-таки предполагает лично и свободно ориентированную «иерархию даров», т.е. связывает иерархический принцип «с высшим качеством, противостоящим количеству и массе»⁵⁰. «Епископ и священник, монарх и полицейский, отец и глава семьи, хозяин предприятия и начальник учреждения – все это иерархические чины, качества которых не зависят от человеческих качеств – им даются они автоматически. <...> Святой и гений, герой и великий человек, пророк и апостол, талант и ум, изобретатель и мастер – всё это чины человеческой иерархии, и подчинение им происходит в ином плане, чем тот план, в котором подчиняются иерархии нечеловеческой и безличной» [5, с. 88]. Безличная ангельская иерархия чинов знаменует неустранимый разрыв между Богом и человеком, заменяя реальное общение и единство людей – как с Богом, так и между собой – символическим. На эту отлученность людей от Бога и друг от друга, расчеловечивание Церкви не соглашается Бердяев.

Уже первые ученики Христа вносят в жизнь Церкви известное разнообразие, открывая целый спектр возможностей, связанный с их уникальными личностными дарами. Так, наряду с более институциональным Петровым способом устройства церкви Бердяев различает Иоанново и Павлово христианство⁵¹. Особенно он ценит Иоаннову традицию – это христианство личной и личностной любви, по духу своему противоположное «святоотеческому, мистико-аскетическому отяжелению и ожесточению сердца»⁵². Таково, считает Бердяев, и пророческое христианство Достоевского.

Учение о дарах позволяет расширить понимание церковной жизни и служения. Природа дара и служения – эсхатологическая; не столько жреческая, связанная с освящением жизни, сколько пророческая⁵³, связанная с обнаружением возможностей обогащения и высветления жизни, с категорическим несогласием на неправду, замкнутость, инертность мира. Человек должен «героически бороться за осуществление своего творческого призвания против притягивающей вниз социальной обыденности, семейной, экономической, политической, профессиональной»⁵⁴.

⁴⁹ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 108–109.

⁵⁰ Там же. С. 88.

⁵¹ См., например: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 171–172, 214. Об этом см. также: Nichols A., OP. Church, Fathers, Eucharist in Nikolai Afanas'ev (1893–1966). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 142 [18].

⁵² См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. С. 171.

⁵³ Там же. С. 167.

⁵⁴ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. С. 262.

Именно с этим проникновением церковных начал служения и общения, личности и соборности во все стороны жизни и связано хилиастическое упование Николая Бердяева: «Братское общение во Христе есть уже таинственное вхождение в Царство Божье. И это братство Христово неприметно приходит в мир. В Царстве Божьем нет никаких коллективов, в нем есть только личности, оно все состоит из личностей разных иерархических ступеней» [19, с. 237]. Он показывает, как смысл истории раскрывается в этом неприметном приходе в мир братского, коммюнитарного начала.

Но хилиазм Бердяева – не вульгарная фантазия, не царство победившего социализма. Не отрицая духовного смысла борьбы за более справедливое общественное устройство, свое хилиастическое упование он противопоставляет всякому утопизму, т.е. попыткам так или иначе рационализировать образ настоящего и будущего, «победить трагизм человеческой жизни»⁵⁵, закупорить человека в пределах этого падшего мира. Бердяев полагает, что пока есть свобода, трагизм человеческой жизни неустраним. В хилиастическую эпоху, если и будут разрешаться противоречия социальные, чистый трагизм будет обостряться, и «самый большой, самый предельный трагизм есть трагизм в отношении человека к Богу»⁵⁶. Как тут не вспомнить, что кому-то опыт Царства Божьего как братолюбивой жизни был явлен в ГУЛАГе и в Равенсбрюке.

Настоящее и будущее: исторические импликации

В 1924 г., вскоре после высылки Бердяева из России, его друг Евгения Герцык пишет ему в Париж из Судака: «...знаешь, очень многие, которые сознательно будут протестовать против твоих идей и цепляться за старое, бессознательно уже растят в себе как бы новые органы для той новой жизни, которая наступает. <...> Когда в церкви произносятся слова: “Проповедуйте Евангелие” – я всегда слушаю их с чувством вины – эту заповедь нарушаю я постоянно. И тем больше тоскую по “братству”. Но братство тогда осуществляется, когда внутри, наедине с собою, его осуществляешь – не с избранными, а со всеми. Мне бы хорошо слышать от тебя когда-нибудь о братстве Св. Софии, насколько об этом скажешь в письме. С мыслью твоей о роли духовных союзов в будущем я очень согласна» [21, с. 47].

Интуиция Бердяева о роли духовных союзов, высказанная в «Новом средневековье»⁵⁷, на которое, вероятно, отзывается Е.К. Герцык, подтвердилась при его жизни. После его высылки продолжается расцвет братского движения в

⁵⁵ См.: Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 155 [20].

⁵⁶ Там же. С. 157.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс ХДС-пресс, 1991. С. 434 [22].

России (а благодаря русским изгнанникам – и в Западной Европе). Достаточно вспомнить наиболее известные и яркие примеры – сохранившуюся, несмотря на заключение и ссылки по разным уголкам страны, общину архим. Сергия (Савельева), который в молодости вместе с женой слушал лекции Бердяева в Вольной академии духовной культуры; общины еп. Макария (Опоцкого), которые он создавал в Череповце, Великом Новгороде, Галиче; «Православное дело» матери Марии (Скобцовой) в Париже, в создании которого Бердяев активно участвовал; братство Святой Софии и Русское студенческое христианское движение, с которыми он всю жизнь сохранял связь.

Во всем этом разнообразном опыте важно увидеть то, как по-новому расставляли акценты в церковной жизни эти современники Бердяева. Его друг и сподвижница монахиня Мария (Скобцова), мученически погибшая в нацистском концлагере, писала: «Через сто лет будет существовать некий орден, или братство, некий подлинно живой организм, некая подлинная соборность, церковное тело, Тело Христово. Глава этого Тела будет Христос, в этом смысле оно будет настоящей малой церковью, составляющей органическую часть единой вселенской православной церкви. Этот организм будет осуществленная соборность, проецированная на все виды человеческой деятельности идея соборно-личного начала» [23, с. 262–263]. В статье «Настоящее и будущее Церкви» она также скажет, что не так важно, будет ли советское государство усиливать гонения или станет покровительствовать Церкви; главная задача русских изгнанников – собрать тот опыт, который открывается Церкви в условиях, когда она «вольна жить, лишь руководствуясь ей самой присущими законами. В этом величайший, всемирно-исторический и даже провиденциальный смысл нашего, на первый взгляд невыносимого и ненормального, положения. С точки зрения духовной жизни это положение может быть единственно нормальное за все время существования церковной истории. Мы свободны, – и это значит, что за все наши неудачи, даже просто за нашу инертность, мы отвечаем сами» [24, с. 242].

Круг, собранный на Маросейке московским священником Алексием Мечёвым, которого Бердяев считал одним из самых светлых людей в своей жизни и к которому он пришел перед высылкой, в 1920-е годы вырастет в свободный духовный союз покаяльных семей-общин. Роль людей, которые духовно сформируются в этом маросейском братстве, для будущего Русской церкви в XX в. нельзя переоценить – в каком-то смысле через Маросейку и, может быть еще Александро-Невское братство в Петрограде проходят все главные нити церковной жизни. Отсюда выйдут Н.Е. Пестов, архим. Лев (Егоров) и архиеп. Иннокентий (Тихонов), архим. Борис (Холчев), архиеп. Михаил (Мудьюгин), митр. Гурий (Егоров), о. Георгий Ивакин-Тревогин, мон. Евгения (Миллер) и другие подвижники, многие из которых продолжают после Второй мировой вой-

ны созидать братские связи уже в Средней Азии, превратив ее в родник церковной жизни посреди богоборческого государства. Из продолжателей этой духовной линии в Русской церкви нельзя не назвать и исповедника веры протоиерея Павла Адельгейма, убитого в 2013 г., чьи духовные корни – тоже в мечёвских кругах Средней Азии.

Сам Бердяев тоже через всю жизнь пронесет не только Евангелие и образ, подаренные ему о. Алексием⁵⁸, но и родственные Маросейке духовные гены, которые во многом определили лик Русской церкви в XX столетии: братское общение и общинность, стремление к глубине и целостности жизни, к жизни в мире сем не по закону мира сего, проповедь Евангелия словом и делом, рыцарское отношение к Церкви⁵⁹.

Эсхатологическую жажду новой эпохи в христианстве и открытость Бердяева оценили и христиане других конфессий, видевшие в нем, наряду с о. Сергием Булгаковым, представителя «новой русской эkkлeзиoлoгии», восходящей в своем понимании Церкви «как мистического тела Христова, “Богочеловечества”, преображенного божественного мира» к Хомякову и Соловьёву⁶⁰. В 1920–1930-е гг. в католических и протестантских кругах Германии влияние Бердяева было огромным, пока его труды не запретили как несущие угрозу «религиозно окрашенного большевизма»⁶¹. А швейцарский протестантский теолог Фриц Либ, которого в доме Бердяевых называли Федором Ивановичем, писал философу: «Вы, как никто другой, призваны доносить до Запада вечное слово русского православия, чтобы оно в принципе не отвергалось как совершенно чуждое. Придавая такое значение реальности свободы, Вы создаете общую почву, на которой возможен подлинный диалог между Востоком и Западом» [30, с. 406]. Благодаря стараниям Ф. Либа вышли на немецком «Философия свободного духа» и «О назначении человека»⁶².

⁵⁸ Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Окленд: Berkeley Slavic Specialties, 1993. С. 242 [25].

⁵⁹ По архиву и публикациям Бердяева видно, какое внимание он уделял апологетике; у него был целый курс лекций о самых горячих вопросах веры в Бога и в человека (см., например: Бердяев Н.А. Наука о религии и христианская апологетика // Путь. 1927. № 6. С. 50–68 [26]; Лекция «Методология апологетики. Апологетика и философия» [1931–1939] // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 104 [27]; Статьи «Христианское учение о свободе, зле и искушении», «Христианское учение о добре», «О чуде», «Вера и знание», «О природе зла», «Время и вечность», «О смысле смирения» [1910–1948] // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 262 [28]).

⁶⁰ Schultze B. Eastern Churches // Encyclopedia of theology: A concise Sacramentum Mundi / Ed. K. Rahner. London: Burns and Cates, 1975. P. 380–395 [29].

⁶¹ См.: Райхельт Ш. Николай Бердяев в Германии. 1920–1950. Исследование по истории влияния (Отрывки из книги) // Coincidentia oppositorum: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / отв. ред. О.Э. Душин. СПб.: Алетейя, 2010. С. 397–426 [30].

⁶² Там же. С. 408.

Заключение

Хилиастический и эсхатологический образ Церкви, который рисует Николай Бердяев, вырастает из осмысления им новозаветного откровения о человеке как о том, кто призван Богом из небытия не просто для спасения, но для творческого соучастия в Божьем деле, для продолжения миротворения и внесения в мир «божественной прибыли», обогащающей и самого Творца. В грехопадении и его катастрофических последствиях он парадоксально предлагает разглядеть свидетельство о творческой мощи и высоте призвания человека, которое не отнимается от него и после отпадения от Бога и порабощения «немогущим и бедным стихиям» мира сего⁶³.

Церковь есть наступательная, а не оборонительная кампания против духов розни и несвободы, бессилия в любви и общении, подавленности в человеке творческого жертвенного начала, его порабощенности тому, что ниже него, – идолам, прельщениям, страху. Новозаветной Церкви и новозаветной личности генетически присуще несогласие на это состояние человека и мира. Очищение от греха и изживание зла Бердяев предлагает осмыслить как подчиненный момент в раскрытии человеческой свободы – силы, отворяющей в человеке способность к общению и служению, с которыми он связывает благодатную жизнь личности в Церкви как «великом братстве христиан».

Бердяев предчувствует то, что хорошо поняли в XX в. обе ветви Русской церкви – исповедники и мученики в России и в изгнании. Христиане – это не те, кто ищет спасения от зла этого мира, а те, кто не готов никого уступить этому миру. Страшно, если тот, кого ты любишь, откажется от свободы, от человеческого призвания. Страшно, что надежда и замысел Отца в каком-то сердце могут быть отвергнуты. Бердяев писал: «Я каждый день молюсь о страдающих адскими муками и тем самым предполагаю, что эти муки не вечны» [1, с. 398]. В этом ближе всего ему была мать Мария (Скобцова), создавшая братское объединение «Православное дело» для помощи русским беженцам и погибшая в концлагере:

О, Господи, я не отдам врагу
Не только человека. Даже камня.
О имени Твоём я всё могу,
О имени Твоём и смерть легка мне [31, с. 175–176].

Церковь будущего, хилиастическое царство, черты которого начали поступать в жизни Русской церкви при жизни Бердяева, в его философии предстает не только как не идеальное, но и как не тоталитарное, не тотальное цар-

⁶³ См.: Гал 4:3; 4:9.

ство. Как все по-настоящему прибыльное, богочеловеческое предприятие под названием Церковь – рискованное: «...когда Сын Человеческий придет, найдет ли Он на земле веру?» (Лк 18:8). Но нельзя испугаться рисков, с которыми связан божественный замысел о мире, где все самое ценное несет в себе трагизм, неустранимый, как думает Бердяев, даже в эсхатологической перспективе.

Помимо философского вклада Бердяева в сокровищницу русской и мировой религиозной мысли, фундаментальное значение его труды имеют в том отношении, что открывают образ Церкви, которая определяется, как писал его швейцарский друг Ф.И. Либ, «духом служения, а не духом господства»⁶⁴, в которую хочется верить и которую возможно полюбить. А это довольно нетривиальная задача, особенно сегодня, когда Русская церковь, обескровленная, обогнанная, ограбленная, после ста лет искусственного отбора и антропологической зачистки, предстает в таком виде, который далеко не всегда и не всех располагает даже к сочувствию и состраданию, не говоря уже о доверии и любви.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 451 с.
2. Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства) // Путь. 1926. № 2. С. 26–46.
3. Бердяев Н.А. О духовной буржуазности: Сбор. соч. / предисл. А.П. Козырева. М.: Nouveaux Angles (Москва); Editions des Syntes (Париж), 2022. 184 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: Изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. 358 с.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. М.: Республика, 1994. С. 14–228.
7. Hartshorne C. Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God? // The Journal of Religion. 1957. Vol. XXXVII, No. 2. P. 71–84.
8. Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). СПб.: Азбука-классика, 2008. 300 с.
9. Бердяев Н.А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. 384 с.
10. Григорий Нисский. Об устройении человека // Творения святого Григория Нисского. М.: Тип. В. Готье, 1861–1871. Ч. 1. 1861. 470 + II с. С. 76–222.
11. Минин П.М. Главные направления древне-церковной мистики. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1915.
12. God and human dignity / ed. R.K. Soulen, L. Woodhead. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2006.
13. Величанский А.Л. Пепел слов. Т. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 712 с.

⁶⁴ Райхельт Ш. Николай Бердяев в Германии. 1920–1950. Исследование по истории влияния (Отрывки из книги). С. 410–411.

14. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.
15. Janos S. Translator Comments // Berdyaev N. The philosophy of freedom / transl. by Fr.S. Janos. Mohrsville, PA: Frsj Publications, 2020. X + 259 p. P. I–X.
16. Бердяев Н.А. Проблема христианского государства // Современные записки. 1927. № 31. С. 280–305.
17. Аверинцев С.С. Ἀληθὺς ἀνθρώπος: воистину человек. Человеческая личность Христа как критерий и предмет человеческой рефлексии // Личность в Церкви и обществе: материалы Междунар. науч.-богословской конф., Москва, 17–19 сентября 2001 г. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. 448 с. С. 33–35.
18. Nichols A., OP. Church, Fathers, Eucharist in Nikolai Afanas'ev (1893–1966). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 311 p.
19. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
20. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. 165 с.
21. Переключка через «железный занавес»: Письма Е. Герцык, В. Гриневич, Л. Бердяевой / публ., сост., вступ. ст. и коммент. Т.Н. Жуковской; подгот. текста М.А. Котенко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь. 2011. 560 с.
22. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс ХДС-пресс, 1991. 483 с.
23. Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. Париж: YMCA-PRESS, 1992.
24. Мать Мария (Скобцова). Настоящее и будущее Церкви // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 2. Париж: YMCA-PRESS, 1992. С. 239–249.
25. Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Окленд: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 с.
26. Бердяев Н.А. Наука о религии и христианская апологетика // Путь. 1927. № 6. С. 50–68.
27. Бердяев Н.А. Лекция «Методология апологетики. Апологетика и философия» [1931–1939] // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 104.
28. Бердяев Н.А. Статьи «Христианское учение о свободе, зле и искушении», «Христианское учение о добре», «О чуде», «Вера и знание», «О природе зла», «Время и вечность», «О смысле смирения» [1910–1948] // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 262.
29. Schultze B. Eastern Churches // Encyclopedia of theology: A concise Sacramentum Mundi / ed. K. Rahner. London: Burns and Cates, 1975. P. 380–395.
30. Райхельт Ш. Николай Бердяев в Германии. 1920–1950. Исследование по истории влияния (Отрывки из книги) // Coincidentia oppositorum: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / отв. ред. О.Э. Душин. СПб.: Алетейя, 2010. С. 397–426.
31. Кузьмина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: Искусство-СПб, 2001.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. *O dukhovnoy burzhuaznosti: Sbornik sochineniy* [On Spiritual Bourgeoisness: Collected Works]. Moscow: Nouveaux Angles (Moskva); Editions des Syrtes (Parizh), 2022. 184 p.
2. Nisskiy, Grigoriy. *Ob ustroenii cheloveka* [On the Structure of Man], in *Tvoreniya svyatogo Grigoriya Nisskogo* [Works of St. Gregory of Nyssa]. Moscow: Tipipografiya V. Got'e, 1861–1871. Part 1, 1861, pp. 76–222.

3. Kuz'mina-Karavaeva, E.Yu. *Ravnina russkaya: Stikhotvoreniya i poemy. P'esy-misterii. Khudozhestvennaya i avtobiograficheskaya proza. Pis'ma* [Russian Plain: Poems. Mystery Plays. Fiction and Autobiographical Prose. Letters]. Saint-Petersburg: Iskustvo-SPb, 2001.

4. Mat' Mariya (Skobtsova). *Nastoyashchee i budushchee Tserkvi* [The Present and Future of the Church], in Mat' Mariya (Skobtsova). *Vospominaniya, stat'i, ocherki. T. 2* [Memories, Articles, Essays. Vol. 2]. Paris: YMCA-PRESS, 1992, pp. 239–249.

5. Mat' Mariya (Skobtsova). *Vospominaniya, stat'i, ocherki. T. 1* [Memories, Articles, Essays. Vol. 1]. Paris: YMCA-PRESS, 1992.

6. Velichanskiy, A.L. *Pepel slov. T. 1* [Ashes of Words. Vol. 1]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2010. 712 p.

7. Zhukovskaya, T.N. (ed.) *Pereklichka cherez «zheleznyy занавес»: Pis'ma E. Gertsykh, V. Grinevich, L. Berdyayev* [Roll Call Across the "Iron Curtain": Letters by E. Gertsykh, V. Grinevich, L. Berdyayev]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna; Russkiy put', 2011. 560 p.

Individual Works

8. Berdyayev, N.A. *Filosofiya neravenstva: Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of Inequality: Letters to Enemies in Social Philosophy]. Berlin: Obelisk, 1923. 246 p.

9. Berdyayev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha: Problematika i apologiya khristianstva* [Freedom and the spirit: Problems and Apology of Christianity], in Berdyayev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha. Ya i mir ob"ektov. Sud'ba cheloveka v sovremennom mire. Dukh i real'nost'* [Freedom and the spirit. Solitude and society. The Fate of Man in the Modern World. Spirit and Reality]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 14–228.

10. Berdyayev, N.A. *Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and Revelation: Prolegomena to the Critique of Revelation]. Saint-Petersburg, 1996. 384 p.

11. Berdyayev, N.A. Lektsiya «Metodologiya apologetiki. Apologetika i filosofiya» [1931–1939] [Lecture on "The Methodology of Apologetics. Apologetics and Philosophy" [1931–1939]]. *RGALI. F. 1496. Op. 1. Ed. khr. 104.*

12. Berdyayev, N.A. *Nauka o religii i khristianskaya apologetika* [The Science of Religion and Christian Apologetics], in *Put'*, 1927, no. 6, pp. 50–68.

13. Berdyayev, N.A. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [The end of our time. Reflections on the Fate of Russia and Europe]. Moscow: Feniks KhDS-press, 1991. 483 p.

14. Berdyayev, N.A. *O naznacheni cheloveka: Opyt paradoksal'noy etiki* [The Destiny of Man: An Experience of Paradoxical Ethics]. Paris: Sovremennye zapiski, 1931. 320 p.

15. Berdyayev, N.A. *O rabstve i svobode cheloveka: Opyt personalisticheskoy metafiziki* [Slavery and Freedom: An Essay on Personalistic Metaphysics]. Paris: YMCA-Press, 1939. 224 p.

16. Berdyayev, N.A. *Problema khristianskogo gosudarstva* [The Problem of the Christian State], in *Sovremennye zapiski*, 1927, no. 31, pp. 280–305.

17. Berdyayev, N.A. *Russkaya ideya (Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka)* [The Russian idea: Fundamental problems of Russian thought in the 19th and early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 300 p.

18. Berdyayev, N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Dream and Reality (An Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2016. 451 p.

19. Berdyayev, N.A. *Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniia cheloveka)* [The Meaning of the Creative Act: A Justification of Man]. Moscow: Izdanie G.A. Lemana i S.I. Sakharova, 1916. 358 p.

20. Berdyayev, N.A. *Spasenie i tvorchestvo (Dva ponimaniia khristianstva)* [Salvation and Creativity: Two Understandings of Christianity], in *Put'*, 1926, no. 2, pp. 26–46.

21. Berdyayev, N.A. *Stat'i «Khristianskoe uchenie o svobode, zle i iskushenii», «Khristianskoe uchenie o dobre», «O chude», «Vera i znanie», «O prirode zla», «Vremya i vechnost'», «O smysle smireniia»* [1910–1948] [Articles "The Christian Doctrine of Freedom, Evil, and Temptation", "The

Christian Doctrine of Good”, “On Miracles”, “Faith and Knowledge”, “On the Nature of Evil”, “Time and Eternity”, “On the Meaning of Humility” [1910–1948]]. *RGALI*. F. 1496. Op. 1. Ed. khr. 262.

22. Berdyaev, N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar]. Paris: YMCA-Press, 1951. 165 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

23. Averintsev, S.S. Αληθώς άνθρωπος: voistinu chelovek. Chelovecheskaya lichnost' Khrista kak kriteriy i predmet chelovecheskoy refleksii [Αληθώς άνθρωπος: Truly a Man. The human personality of Christ as a criterion and object of human reflection], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii «Lichnost' v Tserkvi i obshchestve»*, Moskva, 17–19 sentyabrya 2001 g. [Proceedings of the International Scientific and Theological Conference “Personality in the Church and Society”, Moscow, September 17–19, 2001]. Moscow: Svyato-Filaretovskaya moskovskaya vysshaya pravoslavno-khristianskaya shkola, 2003, pp. 33–35.

24. Hartshorne, C. Whitehead and Berdyaev: Is there tragedy in God, in *The Journal of Religion*, 1957, vol. XXXVII, no. 2, pp. 71–84.

25. Janos, S. Translator Comments, in Berdyaev, N. The philosophy of freedom. Mohrsville, PA: Frsj Publications, 2020, pp. I–X.

26. Raykhel't, Sh. Nikolay Berdyaev v Germanii. 1920–1950. Issledovanie po istorii vliyaniya (Otryvki iz knigi) [Nikolai Berdyaev in Germany. 1920–1950. A Study in the History of Influence (Excerpts from the Book)], in *Coincidentia oppositorum: ot Nikolaya Kuzanskogo k Nikolayu Berdyaevu* [Coincidentia oppositorum: from Nikolai Kuzansky to Nikolai Berdyaev]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2010, pp. 397–426.

27. Schultze, B. Eastern Churches, in *Encyclopedia of theology: A concise Sacramentum Mundi*. London: Burns and Cates, 1975, pp. 380–395.

(Monographs)

28. Soulen, R.K., Woodhead, L. (ed.) *God and human dignity*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2006.

29. Minin, P.M. *Glavnye napravleniya drevne-tserkovnoy mistiki* [Main Directions of Ancient Church Mysticism]. Sergiev Posad: tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy lavry, 1915.

30. Nichols, A., OP. *Church, Fathers, Eucharist in Nikolai Afanas'ev (1893–1966)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 311 p.

31. Vadimov, A. *Zhizn' Berdyaeva: Rossiya* [Berdyaev's Life. Russia]. Oakland, CA: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 p.